

между императором Кантакузеном и его зятем Иоанном V, положили османам путь в Европу.

Сулейман, отважный сын Орхана, в 1354 году переправился темною ночью, как гласит предание, в сопровождении всего семидесяти смелых воинов через Геллеспонт и захватил крепость Цимпе у Галлиполи. Здесь впервые стали турки твердой ногой на европейской почве. Византийцы сравнивали эту орду завоевателей с персами и даже называли их тем же именем. Но османы были страшнее и счастливее, чем народ Дария и Ксеркса. Если персы, по замечанию Полибия, кончали гибелью всякий раз, как переступали границу Азии, то турки стали могущественны и велики лишь с того момента, как ступили на европейскую землю.

Так как император Кантакузен нуждался в помощи султана, своего зятя, то он вынужден был ограничиться бессильными фразами против захвата Сулейманом фракийских городов. В таком же положении был Иоанн V Палеолог. Ему удалось в 1355 году овладеть Константинополем и устранить своих противников. Император Кантакузен сложил корону, чтобы закончить свою бурную жизнь смиренным монахом в Спарте, где его даровитый сын Мануил по договору с Палеологом оставался по-прежнему деспотом. Но византийцев богословие интересовало более, чем турецкое нашествие. Их патриархи и император в синодах, диспутах и сочинениях исследовали сущность Преображения на горе Фаворской. Как некогда страсть погибающего Рима к зрелищам дала галльскому епископу Сальвиану повод сказать, что римляне, точно наевшись сардонической травы, хотят умереть, смеясь, так мог бы вдумчивый философ сказать о тогдашних византийцах, что они хотят умереть теологическими софистами.

Ничто не препятствовало теперь движению османов в балканских землях, тем более что со смертью могущественного повелителя сербов Стефана Душана в 1355 году его обширная славянская держава начала при сыне его Уроше V, последнем из династии Неманей, распадаться на составные части. Когда же в руки турок